

Полковник Гуров

Николай Леонов

Долларовый эквивалент

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Долларовый эквивалент / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Непредсказуема работа опера. Лев Гуров идет по следу. Причем в самом прямом смысле этого слова: полковник преследует уходящего лесом бандита. А все начиналось с перестрелки на борту прогулочного катера «Викинг», принадлежащего банкиру Бардину. В итоге катер затонул, а дочь банкира, веселившуюся в компании друзей на «Викинге», похитили. Соответственно был назначен и долларовый эквивалент за легкомысленную девицу. Банкир решил вызволить дочь своими силами, но лишь схлопотал пулю и сильно осложнил оперативную ситуацию. Бандиты, как говорится, бросились враспынную. И теперь полковник Крячко работает в «каменных джунглях», а Гуров бежит по ночному лесу, гадая, из-за какого дерева хлестнет автоматная очередь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Долларовый эквивалент

Глава 1

– Вы просто не представляете себе, что это было! – патетически воскликнул человек, сидевший по другую от полковника Гурова сторону казенного стола. – Настоящий ад! Кошмар! Только подумайте – тихий вечер, нарядно одетые люди, белый пароход, ивы шепчут над водой, и вдруг – этот чудовищный взрыв, пламя, треск выстрелов... – На длинном худом лице человека появилось преувеличенно трагическое выражение, а глаза едва не выскочили из орбит.

– А вы случайно не поэт, Викентий Демьяныч? – перебивая плавную речь, добродушно спросил полковник Крячко, который все это время прохаживался по кабинету, с любопытством поглядывая на рассказчика.

– Конечно, нет, – оборачиваясь, с досадой сказал тот. – Я – распорядитель на прогулочном судне, Кривошеев Викентий Демьяныч. Вот, в повестке все написано. Вы сами вызывали меня на допрос, а теперь смеетесь. А что я сказал смешного?

– Абсолютно ничего смешного, Викентий Демьяныч, вы не сказали, – успокоил его полковник Гуров, бросая укоризненный взгляд на своего коллегу. – Полковник Крячко просто отдает дань вашему искусству рассказчика. Очень живо получается. Как будто своими глазами смотришь. Продолжайте, пожалуйста.

Кривошеев быстро заморгал глазами, нервно пригладил зачесанные назад светлые волосы и с обидой покосился на Крячко.

– На моей работе без искусства нельзя, – заметил он с достоинством. – Я как раньше массовик-затейник в санатории. Только еще хуже. Потому что сейчас два притопа, три прихлопа – это не пройдет. Нынче в моде все экстремальное. Чтобы адреналин в крови. Молодежь сегодня искушенная. Я вам даже больше скажу – с закидонами молодежь. Болезнь двадцать первого века.

– Что вы имеете в виду? – заинтересовался полковник Гуров.

Кривошеев махнул рукой. Кисть у него была узкая, с выхоленными ногтями.

– Вы и сами прекрасно знаете, – сказал он. – Что у них на уме? Пробыться в жизни? Да ничего подобного! За них уже родители пробились. Вот и сходят с ума от безделья – тут и наркотики, и секс, и кое-чего похуже.

– Ну, наверное, не у всех же родители пробились, – заметил Гуров. – Кому-то и самому приходится?

– Не исключая, – кивнул Кривошеев. – Но таких среди моих клиентов мало. Золотая молодежь, одно слово!

– Вообще-то два, – не удержался полковник Крячко.

– Что – два? – не понял Кривошеев.

– Слова, говорю, два, – разъяснил Крячко. – Золотая молодежь – два слова получается. Но вы сказали – секс, наркотики и кое-чего похуже. А чего уж хуже?

Кривошеев покачал головой.

– Всякие случаи бывают, – сдержанно ответил он. – Вот, например, месяца четыре назад сын одного уважаемого человека совершил, как говорится, противоправное деяние. Двойное убийство, и суд не нашел смягчающих вину обстоятельств. И даже большие деньги не помогли. А в прошлом месяце сын другого уважаемого человека совершил на папином «Мерседесе» наезд, каковой закончился гибелью целой семьи. Вы не хуже меня это знаете. А слухи насчет того, что сын самого... ну вы понимаете, о ком я, – замешан в торговле героином?..

– Минуточку, – сказал Гуров. – Пока мы окончательно не заговорили о слухах, давайте попробуем сосредоточиться на том деле, из-за которого мы, собственно, тут и собрались. Люди мы все занятые, так что не будем терять времени. Вы начали рассказывать о том, что произошло в минувший вторник на речном пароходе, который вы обслуживали. Вот давайте об этом поговорим, по возможности подробнее.

– Извините, – сказал Кривошеев. – Отвлёкся. Со мной это бывает. Я увлекающийся человек, хотя по моей внешности этого не скажешь. Из-за того и страдаю. Ваш покорный слуга теперь безработный. И это еще цветочки. Пока Бардин меня только уволил, но кто знает, что ему стукнет в голову завтра? Ведь его чадо до сих пор не нашлось. Я-то, конечно, не виноват, но у господина Бардина может быть на этот счет другое мнение...

– Про мнение господина Бардина мы тоже послушаем, – поторопил его Гуров. – Но давайте по порядку.

– А по порядку – в понедельник вызвал меня Лагутин – заместитель Бардина по всяким там презентациям, пикникам и прочему, и поставил в известность, что на завтра планируется речная прогулка на теплоходе. Я думал, кого-то из деловых людей встречают, а оказалось, что это дочка господина Бардина – Лариса – на воде оттянуться захотела. У кого-то из ее компании день рождения, вот она и решила подарок сделать.

– То есть господин Бардин нанял теплоход для своей дочери и ее друзей? – уточнил Гуров.

– Да как сказать, нанял? – пожал плечами Кривошеев. – Теплоход, между прочим, тоже ему принадлежит. Обыкновенный «ОМ», только кое-что переделали. Ну, понятное дело, внутренняя обшивка из дорогих пород дерева, бар современный, комнаты отдыха, наверху просторный салон. Можно столы поставить, а можно дискотеку устроить с иллюминацией. Молодежь ее и устроила. Изначально рассчитывали на узкий круг, человек тридцать-сорок, а набилось не меньше семидесяти. Дым коромыслом. Из-за этого, я считаю, и нападение прокараулили...

– А вы ждали нападения? – спросил Гуров.

Кривошеев испугался.

– Упаси бог! – воскликнул он. – Что вы такое говорите! Я, наверное, неправильно выразился. В смысле, если бы музыка играла потише и кричали поменьше, так можно было заметить за бортом что-нибудь подозрительное.

– Но вы ничего не заметили.

– Абсолютно, – подтвердил Кривошеев. – Только когда рядом заревел мотор катера, я удивился. Все-таки вечер. На реке почти никого не было, и вдруг – катер. Я даже подумал, что какие-то пьяные гуляки возвращаются домой. Возникли опасения, что могут врезаться нам в борт. Они шли без огней, и мы не видели их до последней минуты.

– А что случилось в последнюю минуту?

– Да вот то и случилось, – трагически сказал Кривошеев. – Они сбавили обороты, и вдруг как грохнет! Наше судно буквально ходуном заходило, а вскоре и вообще стало крениться набок. Сначала никто ничего не понял, а потом сразу началась паника. Представьте себе полсотни ничего не соображающих, перепуганных идиотов. Они все метнулись на тот борт, где была пробоина. Просто чудо, что мы не перевернулись. Капитан и команда тщетно пытались их образумить. Крики, визг, выпученные глаза...

– А вы? Что в этот момент делали вы? – спросил Гуров.

– Я тоже испугался, – признался Кривошеев. – Но не потерял головы. Я попытался найти Ларису. До остальных мне не было дела. А за дочку Бардин душу вытрясет.

– Вы что же, лично отвечали за ее безопасность?

– Не то чтобы лично, – ответил Кривошеев с досадой. – Строго говоря, при девчонке постоянно находятся охранники. Они даже в сортир за ней ходят. Бардин этот вопрос решил для себя раз и навсегда. Ни чьи возражения, даже самой Ларисы, не принимались. Но и я в

какой-то степени тоже за нее отвечал. И капитан, поскольку она находилась на судне. Во всяком случае, Бардин смотрит на дело именно таким образом. Думаете, почему меня уволили?

– Мы вам сочувствуем, – сказал Гуров. – Но господина Бардина тоже можно понять. Ведь его дочь пропала – возможно, погибла. В такой ситуации люди часто поступают жестоко.

– Я не жалуясь, – сказал Кривошеев. – Могло быть хуже. Бардин до сих пор не верит, что Лариса погибла. В противном случае мне не поздоровилось бы.

– Хорошо, что же было дальше? – спросил Гуров, решив не углубляться в отношения современного работодателя и наемного работника. В конце концов, трудовые споры не входили в компетенцию старшего оперуполномоченного по особо важным делам.

– А дальше вообще было что-то жуткое, – передернувшись, ответил Кривошеев. – Эти мерзавцы подошли к нам – борт к борту – и взяли нас на abordаж, как самые настоящие пираты. Они забросили на поручни «кошки» и поднялись на палубу, принялись палить из своих автоматов. Знаете, такие коротенькие, похожие на игрушку. Но грохот стоял невероятный! А тут еще плюс женский визг, крики... Все попадали на палубу. Некоторые, обезумев, начали прыгать в воду... Одним словом, настоящий ад!

– Понимаю, – сказал Гуров. – Ну, а дальше?

Кривошеев слегка покраснел.

– Дальше вы знаете, – сказал он. – Когда все кончилось, кто-то вызвал по мобильному телефону милицию. Не сразу, потому что не ладилось со связью. А рацию на судне бандиты попросту расстреляли. Как и капитана, это вы тоже знаете.

– Да, это мы знаем, – подтвердил Гуров. – Но чем занимались бандиты на судне? Вы видели?

– Откровенно говоря, нет, – с усилием ответил Кривошеев. – Я успел скрыться в одном из туалетов и запереться там. Считаю, что только это и спасло мне жизнь. А вы считаете, что я должен был, как герой, бегать под пулями?

– Ну что вы! – невозмутимо сказал Гуров. – Нам просто хочется уточнить все детали. Значит, что произошло в тот момент с Ларисой Бардиной, вы не видели?

– Не видел, – хмуро сказал Кривошеев. – Ни с Ларисой, ни с кем-либо еще. Бывают такие минуты, когда приходится прежде всего заботиться о себе. И вы не можете меня за это осуждать.

– Упаси бог! – вступил в разговор полковник Крячко. – У нас и в мыслях не было! Как говорится, против лома нет приема. И долго вы, гм... отсиживались?

– Не знаю! Может быть, десять минут, может, пятнадцать, – с раздражением сказал Кривошеев. – В то время никто не смотрел на часы. Но, по моим ощущениям, все это продолжалось совсем недолго, хотя и говорят, что неприятности имеют свойство растягиваться. Эти чертовы пираты не стали обыскивать судно. Не прельстились даже выбором напитков, а там было все по первому разряду. Обобрали людей, находившихся на палубе, а потом смылись. Я услышал, что трещат лодочные моторы, и вышел наверх.

– Моторы? – переспросил Гуров. – Вначале вы сказали, что был один катер.

– А черт его знает, сколько их было на самом деле! – в сердцах ответил Кривошеев. – Темно же было. Может быть, второй подошел позже. А может, их сразу было два, просто никто не обратил внимания. Да и потом не до них было. Тут убитые, раненые, кто-то в воде едва не утонул... Да и вообще такой бедлам был! Сами понимаете, эта публика и в нормальном-то состоянии неуправляема, а тут...

– Неуправляема?

Кривошеев махнул рукой.

– Мы ходили по реке с обеда, – сказал он. – К вечеру многие уже так набрались, что «мама» сказать не могли. Торты кидались, перетрахаались все как кролики, извините за выражение...

– Так уж и все? – недоверчиво спросил Крячко.

– Из молодежи многие, – хмуро подтвердил Кривошеев. – Вообще стыд потеряли. Для того и судно просили, чтобы оттянуться на всю катушку. Вроде не на глазах – значит, все можно. Я предпочитаю, когда господин Бардин сам на теплоходе отдыхает. Он себе таких вольностей не позволяет, человек серьезный. Дочку вот совсем из рук выпустил. Кстати, нашли ее тело или нет еще?

– А почему вы так уверены, что дочь Бардина погибла? – спросил Гуров.

– Я не уверен, – возразил Кривошеев. – Но все к тому идет. Один ее охранник убит. Другой ранен тяжело. Значит, и ей досталось. Эти парни, Григорий и Вадим, от нее ни на шаг не отходили. Серьезные ребята.

– Нет, водолазы работают, но ничего пока не обнаружили, – сказал Гуров. – А кто-нибудь видел, как пострадали охранники?

– Да кто что там видел! – безнадежно сказал Кривошеев. – Я же говорю, сплошной бедлам. Сумасшедший дом на воде.

– Вы так часто упоминаете о бедламе, – заметил Крячко. – Скажите, на теплоходе в этот раз кто-нибудь употреблял наркотики?

Кривошеев сразу будто ушел в себя. Глядя в сторону, он пробормотал:

– Господи, откуда мне знать? Мое дело – общее руководство. Напитки, холодные закуски, диджей, отношения с командой. В карманы я не заглядывал. Может быть, кто-то и злоупотреблял, но это не мое дело.

– А сама Лариса Бардина? Она этим делом не увлекалась? – поинтересовался Гуров. – Что она вообще собой представляет?

– Это вопрос не ко мне, – угрюмо сказал Кривошеев. – Я ее не очень хорошо знал. До этого видел только от случая к случаю. Никакого общения, конечно. Дочь шефа – этим все сказано. Пусть они сами там разбираются.

– Дочь бывшего шефа, – безжалостно напомнил Крячко. – Теперь-то какой смысл ее выгораживать?

– А я и не выгораживаю, – сказал Кривошеев. – Просто мне нечего сказать. Обычная двадцатилетняя девчонка – с поправкой на богатство папаши, конечно. Скромницей назвать нельзя никак. Отвязная, как сейчас говорят, громогласная, нахальная – чего вы еще хотите узнать? Конечно, слухи разные ходили, но я, с вашего позволения, их повторять не стану. Вас ведь факты интересуют?

– Факты, это верно, – кивнул Гуров. – Может быть, еще что-нибудь вспомните насчет той злосчастной прогулки?

– Больше ничего, – сказал Кривошеев. – По правде сказать, у меня до сих пор в голове какой-то туман. Будто все во сне привиделось. Такая прогулка и сама по себе дело не самое простое, а когда она вот так кончается, тут уж поневоле умом тронешься.

Гуров посмотрел на Крячко и развел руками.

– Ну что же, Викентий Демьяныч, – сказал он. – Вполне понимаем ваши чувства. К сожалению, все участники вашего рейса так же скупы в своих показаниях. По разным, я думаю, причинам. Но будем надеяться, что в дальнейшем вы еще что-нибудь вспомните, что позволит нам приблизиться к истине...

Те же слова Гуров повторил и в кабинете начальника главка генерала Орлова, куда был вызван сразу, едва закончилась беседа с Кривошеевым. Полковника Крячко тоже потребовали.

Генерал Орлов, грузный, седовласый, с озабоченной складкой поперек лба, держался холодно и придиричливо, из чего Гуров безошибочно заключил, что дела пока идут неважно. В принципе, их отношения с генералом выходили за рамки обычных отношений начальник – подчиненный. Всех троих связывало нечто большее – годы совместной работы, доверия и взаимовыручки. Эти отношения были почти родственными, где роль старшего брата, требова-

тельного, но справедливого, играл, конечно, Орлов. В свое время, не желая расставаться со своими лучшими работниками, именно генерал переманил их обоих к себе в главк, и с тех пор они никогда не расставались. Вне службы они встречались нечасто, но это ничего не значило – работа давно стала для каждого личной жизнью.

Тем не менее Орлов меньше всего был склонен разыгрывать из себя добряка-начальника. Скорее наоборот – в общении с Гуровым и Крячко он зачастую приводил в действие все ресурсы своей строгости, что, впрочем, никого не смущало, просто таковы были правила игры.

– Значит, к истине вы еще и не приближались? – хмуря брови, иронически спросил он у Гурова. – А между прочим, прошло уже четыре дня с момента преступления. Москва гудит – пираты у стен столицы! А родная милиция и не чешется. Что скажете?

– Обидеть подчиненного – дело нехитрое, – бодро ответил Гуров. – Между прочим, мы со Стасом включились в дело только вчера, а уже успели опросить почти треть свидетелей. Правда, пока это дало немного...

– Включились вы поздно, согласен, – перебил его генерал. – Но весь вопрос в том, что сначала это дело было поручено спецслужбам, поскольку подозревали, что это террористы. Однако потом выдвинули версию о банальном разбое...

– Ничего себе, банальный разбой! – округлил глаза полковник Крячко. – Черный флаг над Москвой-рекой! Этот случай войдет в анналы...

– Помолчи пока! – оборвал его Орлов. – Я говорю о целях нападавших. Само собой, версия терроризма с повестки дня не снимается. Спецслужбы работают и, может быть, поэтому не очень-то торопятся делиться с нами своими находками, если они вообще есть. А я хочу, чтобы вы показали, что мы здесь тоже не лыком шиты. С первыми результатами экспертизы вы ознакомились, со свидетелями разговаривали. Какие-то выводы должны сделать.

– Рано для выводов, – неуступчиво сказал Гуров. – Пока нам удалось более-менее вникнуть в картину происшедшего. Итак, в минувший вторник прогулочное судно под названием «Викинг», принадлежащее, между прочим, господину Бардину, известному банкиру, вышло в продолжительный рейс по Москва-реке. На борту находилась команда из восьми человек, обслуга из тринадцати человек и неуточненное количество гостей – примерно человек шестьдесят-семьдесят. В основном молодежь из так называемых «хороших» семей. Компания праздновала день рождения приятеля Ларисы Бардиной – Олега Вельяминова, автогонщика и в некотором роде киноактера. На торжество собрались друзья, но не только – как можно судить из свидетельских показаний, далеко не все в этой компании были знакомы. У меня сложилось впечатление, что в тот день при желании любой мог попасть на борт «Викинга».

– Ну, не думаю, что любой, – усомнился генерал. – В таких компаниях чужаков обычно не терпят.

– Это верно, – согласился Гуров. – Но я не имел в виду завсегдаев пивнушек, ищущих халявы. А вот человек с головой на плечах, преследующий определенную цель, вполне мог оказаться на судне. Выдал себя за знакомого Бардиной или еще что-нибудь придумал. Впоследствии он вполне мог выполнить роль наводчика.

– Ты полагаешь, был наводчик? – недоверчиво спросил генерал.

– Не исключено. Нападение явно планировалось. Но в то же время свидетели не припоминают, чтобы рядом с ними крутились какие-то лодки. До последнего момента. Очень похоже на то, что бандитам кто-то сигналил. Получив сигнал, бандиты подошли на катере, выстрелили в борт теплохода из гранатомета и, воспользовавшись начавшейся паникой, поднялись на борт, где устроили настоящую резню. Просто чудо, что пострадали сравнительно немногие. Четверо убитых и шестеро раненых. Плюс самая, пожалуй, важная персона на теплоходе – дочь Бардина – без вести пропала. При такой беспорядочной стрельбе жертв могло быть в три раза больше.

– Они лупили в воздух, – авторитетно заявил Крячко. – И только те, кто им серьезно сопротивлялся, получили пулю. Точно вам говорю.

– Возможно, – согласился Гуров. – Очень похоже, что так и было. Погибли капитан, охранник Ларисы Бардиной, еще один крепкий молодой человек из obsługi и девушка. Говорят, она сама бесстрашно пошла на автоматы. Правда, судебный медик почти на сто процентов уверен, что она в этот момент находилась в состоянии глубокого наркотического опьянения. Но как бы то ни было, малейшие попытки сопротивления были сломлены сразу и решительно, и бандиты принялись потрошить карманы гостей. Продолжалось это недолго. Судя по всему, нападавшие торопились. И этот момент смущает меня больше всего. Какой смысл поднимать шум из-за пары тысяч долларов? А по первым прикидкам, сумма личного совокупного ущерба именно такая. Наверное, ущерб все-таки больше, потому что преступники брали не только деньги, но и драгоценности, но все равно – подозреваю, что катер бандитов стоит куда больше. Правда, мы встречались еще не со всеми свидетелями, и не все они достаточно искренни, но в целом идея нападения выглядит странновато, если только у преступников не имелось некоей сверхзадачи, нам неизвестной.

– Ну-ка, ну-ка, – с интересом произнес Орлов. – Что ты имеешь в виду?

– Пока ничего, – пожал плечами Гуров. – Может быть, кто-то хотел просто насолить Бардину. Вполне могут быть какие-то финансовые проблемы, которые не решаются обычными методами. С Бардиным мы еще не общались. Возможно, он прояснит ситуацию. А пока мы займемся лодочными станциями – где-то ведь должен был стоять этот проклятый катер? Кстати, сегодня один свидетель, а именно распорядитель Бардина Кривошеев, указал, что катеров, возможно, было два.

– Вот как? – встрепнулся генерал. – Это новость. До сих пор я ничего подобного не слышал. Но лодочных станций много. Кроме того – личные стоянки. Я распоряжусь, чтобы вам выделили людей. Двух-трех оперативников, больше дать не могу. Работайте головой.

– Самое слабое у нас место, – со вкусом сказал Крячко, но тут же осекся под уничтожающим взглядом генерала. – То есть я хочу сказать, что лодочных баз много, а место, где крутились эти катера или катер, всего одно. Там еще напротив село Демино. Совсем близко от берега. Не исключено, что кто-то что-то видел... Не могли же люди с оружием раствориться в воде без следа? Кстати, сколько их было? Свидетели дают противоречивые показания.

– Да, тут у свидетелей полный разброд, – подтвердил Гуров. – Кто говорит о четырех бандитах, а кто сразу о десяти – у страха глаза велики. Скорее всего, преступников было пять-семь человек. Правда, если принять на веру слова Кривошеева о второй лодке, то придется внести некоторые коррективы...

– И что, такая армия бесследно канула? – спросил генерал. – Ищите. Завтра же выезжайте в Демино.

– Водолазы еще там? – спросил Гуров.

– Водолазы работу закончили, – веско сказал генерал. – Никаких тел. Течение там не слишком сильное – говорят, в случае чего труп далеко унести не могло. Но господин Бардин настаивает на продолжении поисков. Видимо, он теперь наймет водолазов на свои средства, чтобы обследовать реку ниже по течению.

– Значит, не верит, что дочь жива, – подсказал Крячко.

– Это его дело, – заметил генерал. – Честно говоря, я и сам не верю, но, пока тело не обнаружено, будем надеяться. Однако для нас главное – банда. Этих нужно брать, и как можно скорее.

Глава 2

– О прогулке на теплоходе знали многие, – сказал Гуров, останавливая машину на развилке, чтобы посмотреть на дорожный указатель. – Навести преступников мог кто угодно, возможно, даже непреднамеренно. Искать в этом направлении можно год. По моему мнению, сейчас гораздо важнее выяснить, кто мог напасть на калошу с таким гордым именем «Викинг». К сожалению, и на этот счет у нас нет ничего определенного. Даже фотороботов нападавших составить не удалось.

– Да уж, – хмыкнул Крячко. – Как выразался наш последний свидетель – сплошной бедлам. Подозреваю, что ко времени нападения на судне не осталось ни одного мало-мальски трезвого человека.

– Это не так, – возразил Гуров. – Наверняка охранники Ларисы Бардиной были в порядке. Это как раз тот редкий случай, когда трезвость вредит здоровью. Убежден, что они пытались вмешаться в ситуацию, как и капитан, кстати...

– И та безрассудная девушка, в крови которой, скорее всего, найдут героин, – напомнил Крячко. – И похоже на то, что все, кто был способен сопротивляться, получили пулю.

– Странно только, что в эту категорию не попал друг Ларисы, в честь которого, собственно, и состоялся этот трагический рейс. Молодого человека можно заподозрить по меньшей мере в неблагодарности.

– Ну этот-то с самого начала не скрывал, что в самый ответственный момент оказался в отключке, – сказал Крячко. – Рубаху на себе рвал – мол, будь он тогда трезв, разбойникам не поздоровилось бы. Правда, я слышал, что эти заклинания ни на кого не подействовали и будто бы сам Бардин предупредил молодца, чтобы тот больше не попадался ему на глаза. До этого он сквозь пальцы смотрел на увлечение дочери.

– Надо будет присмотреться к этому парню попристальнее, – решил Гуров. – Как-никак почти родственник, да еще и виновник торжества, а вот показания давал на редкость скупое. Мне еще во время допроса это показалось странным. По его словам, получается, что он чуть ли не весь день провалялся пьяным. Здоровый парень!

– Всякое бывает, – дипломатично заметил Крячко. – Ты учитывай, что сказал Кривошеев, – с напитками на борту был полный порядок. А с другой стороны, мог парнишка просто струсить? Очень даже мог. Автоматическое оружие на кого угодно оторопь наведет. А теперь ему, конечно, тяжело в этом признаваться.

– Так или иначе, а присмотреться надо, – заключил Гуров. – Что мы о нем знаем?

– Можно сказать, почти ничего, – пожал плечами Крячко. – Не москвич. До сих пор не имеет здесь даже собственного жилья, снимает квартиру. Участвует в экстремальных гонках – модное становится увлечение, между прочим, хотя и глупое. Гробят хорошие машины, вместо того чтобы раздать их, например, бедным... Ну и еще вроде в кино снимается – тоже небось машины гробит, – ты у Марии уточни.

По мнению Крячко, жена Гурова – известная и популярная актриса Мария Строева – должна была знать подноготную любого статиста в обширной гильдии профессионалов, причастных к театральной среде и кинобизнесу. Гуров не был в этом уверен, но уточнить пообещал.

– Ладно, сейчас сворачиваем на Демино, – сказал он. – Сначала посмотрим с бережка на то место. На воде, правда, следов не остается, но, по крайней мере, прикинем, как это все могло выглядеть.

Они проехали через полусонную деревню. Дорога сбегала к самой воде. Влажный песок был истоптан коровьими следами. Чуть поодаль в удобной бухточке у деревянных мостков покачивалась привязанная к столбу лодка. По другую сторону на травянистом пригорке сидел

одинокий рыбак с удочками. Штанины его старых коричневых брюк были закатаны до колен. Он был худ, черен от загара и неподвижен как статуя. В зубах его торчала незажженная сигарета, а взгляд был устремлен на поплавки.

Гуров оставил машину на дороге и вместе с Крячко подошел к рыбаку поближе.

– Добрый день! Как ловится? – спросил он.

Рыбак медленно повернул голову и недоверчиво посмотрел на незнакомцев.

– День добрый, – ответил он равнодушно. – Рыбкой интересуетесь – или так, для разговору?

– А нам все интересно, – живо подхватил Крячко. – От рыбки тоже не откажемся.

Загорелый рыбак иронически посмотрел на него, немного подумал, а потом спросил, нет ли у них спичек. Крячко услужливо поднес зажигалку. Рыбак закурил и, блаженно жмурясь, проверил удочки.

– Какая тут рыба, – вдруг сказал он. – Смех один. У вас в Москве этой самой рыбы небось завались, а вы ее тут ищите... Да и никакая не рыба вам нужна, господа хорошие. – Он окинул оперативников пронизательным взглядом. – Опять про стрельбу дознаваться приехали? Тут уж вас столько перебывало... Водолазы вот только сегодня уехали. Одним словом, кино бесплатное.

– Верно угадали, – кивнул Гуров. – Из милиции мы. Именно про стрельбу хотелось бы узнать больше всего. Все-таки напротив вашей деревни все происходило. Кто-то должен был видеть.

– Кто-то, может, и видел, – сказал рыбак. – А я только слышал. Бабахнуло будь здоров! Всех собак распугало.

– А потом, – спросил Гуров, – что было?

– А что было? – Рыбак невозмутимо пожал плечами. – То и было. Стрельба из всех видов стрелкового оружия. А кто в кого – это нам неизвестно.

– Что же, никто из деревни даже не полюбопытствовал, что у вас на реке творится? – недоверчиво спросил Крячко.

– Дураков нет, – хладнокровно ответил рыбак. – Жизнь, слава богу, научила. Потом, конечно, ходили, когда тут ваши понаехали. «Скорая» там, спасатели... Говорили, «омик» на дно пустили, а он, вишь, своим ходом убрался! – Он удивленно тряхнул головой. – Чудно, ей-богу, как люди врать горазды!

– Значит, ничего о нападении не знаете? – сказал Гуров. – И накануне ничего подозрительного поблизости не замечали? Может, какие-то лодки тут стояли? Или люди чужие вертелись? Не было такого?

Рыбак, будто не слыша вопроса, глубоко затянулся сигаретой, с сожалением посмотрел на куцый окурок, потом обстоятельно его заплевал, забросил далеко в траву и рассудительно заметил:

– Было или не было – кто теперь знает? Тут так – иной раз месяцами ни души не бывает, а иной раз табунами понаедут, костры жгут, музыку гоняют, рыбу в реке пугают. Посмотришь, да и плюнешь! Хуже того, когда свои в этом безобразии участие принимают.

– Свои? В каком смысле? – спросил Гуров, переглянувшись с Крячко. – Значит, кто-то приезжал?

Рыбак потрогал удочки и, как бы размышляя вслух, заявил:

– Я вот слышал, будто в Америке за просто так никто и слова не скажет. Как будто там у полиции есть свой специальный фонд – кто показания по делу дает, тот вроде компенсацию из этого фонда получает. Правда это или нет?

– Врут, батя! Не доросла еще до такой мысли Америка! – авторитетно сказал Крячко. – Но все равно, намек понят. И какая же компенсация устроит работника умственного труда? Двадцать рублей хватит?

Рыбак снизу вверх посмотрел на Крячко, соображая, шутит тот или нет, а потом решительно сказал:

– Двадцать не устроит, а вот тридцать будет в самый раз.

Крячко засмеялся, полез в карман за бумажником и отсчитал три мятые десятки.

– Поскольку у нас цивилизованный рынок, то возражений нет – за хороший товар и заплатить не грех. Только ты уж, батя, не пытайся нам втереть какую-нибудь липу, потому что тогда цивилизованный рынок сразу кончится, и мы тебя просто арестуем. Про Кресты слышал?

– Кто же про них не слышал? – вполне благодушно отозвался рыбак, пряча на груди деньги. – Только не такая я большая птица, чтобы меня по Крестам катать. Так что насчет этого я не сильно испугался, господа хорошие. Но, поскольку задаток проплачен, скажу как на духу, чего никому пока не говорил, – потому что понимаю, когда человек от души, а когда просто на арапа берет... Значит, я тут с удочками часто сижу. Иногда во-о-он там, в кустах, так что меня вроде и не видать вовсе.

– Понятно, – нетерпеливо перебил его Крячко. – Ты ближе к теме давай.

– Мысль у меня, значит, такая, – строго поглядев на него, сказал рыбак. – Если ты, к примеру, захотел кого-то встретить, так ты его обязательно в знакомом для себя месте встретишь или, по крайней мере, сначала поглядишь, что за место такое. Наоборот одни дураки действуют, а тут не на бабку с семечками напали – на целый крейсер! Значит, не дураки. Потому и мысль у меня такая – раз здесь напали, значит, спервоначалу присмотреться должны были.

Гуров едва заметно улыбнулся. В логике мужику отказать было трудно. Мысль, которую он так трогательно вынашивал, выглядела довольно правдоподобно. Некоторые возражения у него имелись насчет «крейсера» и умственных способностей бандитов, но на эти маленькие вольности не стоило обращать внимания. Гуров и сам думал, что преступники должны были хотя бы приблизительно планировать будущее место нападения, проведя при этом какую-то разведку. Возможно, им и прежде доводилось бывать в этих местах.

– То есть я хочу сказать, – продолжал рыбак, как бы разговаривая сам с собою, – что вроде бы приезжали сюда в то воскресенье...

– Кто приезжал? – спросили Гуров и Крячко в один голос.

Рыбак усмехнулся им как непонятливым детям.

– Кто приезжал, не знаю, – сурово отрезал он. – Откуда мне знать? Вы меня спросили – не видал ли чего странного? И до вас меня про то же спрашивали. А значения не придали. Интересные вы, менты, люди! Сначала спрашиваете – не видал ли, а потом ни хрена не слушаете!..

– Так ты толком говори! – рассердился Крячко. – А то приезжал – не приезжал... Мало ли кто тут у вас приезжает...

– Мало! – сказал рыбак. – А в то воскресенье вообще небывалый, можно сказать, случай был. Потому что из Москвы Петька Сергеев приехал с друзьями. С городскими. Морды – во!

– Подожди, – перебил его Гуров. – Кто такой Петька Сергеев?

– Петька Сергеев наш земляк. Шалапут. Еще когда в школу ходил, от него, кроме неприятностей, никто ничего хорошего не видел. Здоровый, весь в батю, Николая Петровича, а ума нет ни грамма. Одни драки, да бабы, да самогон. Конечно, в свободное от работы время выпить не грех, но, как говорится...

– Не тяни резину, батя, – сказал Гуров. – Конкретнее.

– А конкретнее некуда, – заявил рыбак. – Все село от него стоном стонало, пока он в армию не ушел. Только и в армии его не воспитали. Загремел наш Петька в дисбат на три года, а когда наконец дембельнулся, совсем с катушек съехал. Родители-то у него к тому времени уже померли, а дом ему достался. Только Петька хозяйство забросил, опять пьянки начались, драки. И срок ему грозил. Вот он и уехал в Москву на заработки. Вроде деньжата у него водиться стали. Иногда приезжал – на такси или в компании, но тоже на тачке. Вот такие дела.

– А в прошлое воскресенье? – напомнил Гуров.

– А в прошлое воскресенье опять приехал. На тачке. Крутая тачка, белая, руль не по-людски, справа. И еще трое с ним, в майках. Здоровые все, как лоси. Но вели себя тихо. Чего-то по берегу все ходили. А потом к ним еще двое подъехали – по реке, значит.

– По реке?

– Именно. На белом катере. Поручкались, опять по берегу походили, посмеялись чего-то и укатили. Как говорится, на белом катере к такой-то матери, – заключил он, чрезвычайно довольный своей шуткой.

– А остальные?

– Остальные в дом вернулись, закусили малость и обратно в Москву.

– Откуда известно, что в Москву? – спросил Гуров.

– Ну, не знаю, может, в Ленинград, – сказал рыбак. – Но скорее всего, в Москву, потому что номера на тачке московские. Точно, конечно, не помню, но московские.

– И Петька тоже уехал?

– А чего ему тут делать? Тут на тачках раскатывать некогда. Тут пахать надо.

Глядя на праздный вид самого рыбака, трудно было поверить, что тяжкий труд является необходимым условием проживания в селе Демино, но Гуров не стал вдаваться в такие детали.

– А где ваш Петька в Москве работает, случайно не знаете? – спросил он. – Или как найти его там?

– А кто его искал? – снисходительно поинтересовался рыбак. – Кому он нужен? Хорошо, хоть два раза в году его теперь видим, и то ладно.

– А дом его показать можете?

– Да чего его показывать? – пренебрежительно фыркнул рыбак. – Вон, гляди – с краю, зарос весь. Да у него, у Петьки, совести-то отродясь не было. Он на людей внимания никогда не обращал.

– Ага, значит, вон тот? – проговорил Гуров, задумчиво рассматривая покосившийся дом на краю села. – Интересно, интересно... Ну, спасибо, батя, хоть что-то узнали...

– Ваши, которые тут прежде крутились, – с укоризной заметил рыбак, – тоже все разузнавали. И так же, как вы, даже в книжечку не записали. А это уж известно, в одно ухо влетело, в другое вылетело...

– Ну уж это ты загнул, батя! – возразил Крячко. – У нас с товарищем все как раз наоборот. То, что услышали, до самой смерти не забываем. А вот с писаниной у нас туго. Не уважаем мы это дело.

– Я сам не любитель, – сказал рыбак. – Так это другое. Вы – люди казенные, вам положено.

– Я все-таки насчет Петьки хочу уточнить, – озабоченно сказал Гуров. – Неужели у него в селе совсем никого друзей нет? С кем бы он хоть как-то общался? Должен же он хотя бы парой слов с кем-то перекинуться?

– Кому должен, тем он всем прощает, – ехидно сказал рыбак. – Говорю, вся деревня отдыхает, пока Петька в отъезде. Не больно он тут кому припекся. Отрезанный ломоть.

– Ну, понятно, – сказал разочарованно Гуров. – Так мы тогда хоть на дом взглянем.

– Смотрите, коли охота, – равнодушно ответил рыбак. – Только на что там глядеть? Срам один.

Гуров, впрочем, придерживался иного мнения. Рассказ рыбака показался ему любопытным. Возможно, приезд шалапуты Петьки Сергеева накануне трагического события был простым совпадением, но Гурова всегда настораживали такие совпадения. Ему бы очень хотелось порасспросить об этом самого Петьку Сергеева, но для этого следовало его сначала найти. Гуров надеялся, что какие-нибудь следы у дома наведут его на мысль, как это сделать.

Он остановил машину на краю села напротив дома с закрытыми ставнями и сорной травой, заполонившей двор. Вокруг не было ни души.

– Знаешь, о чем я сейчас подумал? – глубокомысленно сказал Крячко. – О том же, о чем и ты. Если наш рыбак и делал свой доклад кому-то до нас, то все равно толку от этого мало. Никто и не подумал проверить, что за личность Петька Сергеев...

– Это еще неизвестно, – покачал головой Гуров. – Наши, может быть, и не подумали, а спецслужбы могли заинтересоваться.

– Это в том случае, если они слышали историю. Только наш друг не похож на человека, который стремится к общению. Скорее всего, эта информация прошла мимо них. Мы можем в этом убедиться, если заглянем сейчас в дом. Кстати, это в любом случае стоит сделать.

– Это село, – веско произнес Гуров. – Здесь все на нас смотрят и все видят.

– А я быстро, – без тени смущения сказал Крячко. – Раз-два, и готово. Какие тут замки? А ты можешь даже из машины не выходить.

Гуров немного подумал и решительно кивнул головой:

– Пойдем вместе.

Пока Крячко колдовал над навесным дверным замком, Гуров срисовывал в записную книжку след автомобильного протектора, который они обнаружили во дворе. След был не слишком свежий – скорее всего, его оставила в прошлое воскресенье та самая «крутая тачка» с правым рулем, – зато в одном месте он отпечатался довольно отчетливо на жирной взрыхленной проплешине посреди сорной травы. Попутно Гуров поглядывал через забор, потому что занимались они не вполне законным делом, и не хотелось, чтобы об этом догадались другие. В конце концов, Петька Сергеев мог оказаться всего лишь мелким хулиганом и пьяницей. Может быть, друзей в деревне у него и не осталось, зато доброжелатели, которые могут сказать о самоуправстве милиции, всегда найдутся.

Рисунок протектора вышел у него на славу, хотя самый плохонький фотоаппарат был бы куда более кстати. Из дома появился сияющий Крячко с каким-то грязным пакетом под мышкой.

– Я там у них бутылку пустую изъяс, – сообщил Крячко. – И стаканы. С отчетливыми отпечатками. Остатки скромного пиршества. А больше ничего примечательного. Шаром покати. Конечно, предметы изъяты с явным нарушением процессуального кодекса и веса в суде иметь не будут, но нам сейчас информация важнее, так ведь? Хорошо, в доме хоть какой-то пакет нашелся.

– Дверь-то запер? – спросил Гуров.

– Обижаешь, начальник. Работаем чисто, – ответил Крячко.

Они вышли за ворота и сели в машину. Вокруг по-прежнему не было ни души. Ветер гнал по небу низкие серые облака.

– Дождь, похоже, будет, – сказал Крячко, заботливо укладывая свою добычу на заднее сиденье. – Не люблю под дождем по шоссе гонять.

– А мы не будем, – успокоил его Гуров. – Хватит с нас сегодня нарушений.

Они объехали село и одиноко покатали по дороге в сторону главного шоссе. Наверное, преступники все-таки не случайно выбрали это место, подумалось Гурову, – не бойкое место, тихое.

На полпути навстречу им все-таки попала одна машина – приземистая желтая «Лянчо» с затененными стеклами проскочила у них под самым носом, подняв за собой шлейф пыли.

– Дорогая машина! – с уважением сказал Крячко, оглядываясь. – Гоночная модель. Видал, какие экземпляры у нас по проселкам раскатывают?

– Видал, – сквозь зубы ответил Гуров. – Тут вообще, между прочим, странные экземпляры раскатывают. Ну-ка, притормозим. Посмотрим, куда эта тачка направляется.

Они уже перевалили через невысокий холм. Поэтому пришлось сдать немного назад. Крячко первым выскочил из машины. Гуров присоединился к нему и с любопытством посмотрел вниз. Увиденное неприятно поразило его.

Желтая гоночная машина стояла на обочине метрах в трехстах от них, а возле нее суе-
тились три неясные мужские фигуры. Один из мужчин, кажется, осматривал в бинокль мест-
ность. На какое-то мгновение его внимание сосредоточилось на застывших на холме опе-
ративниках. Мужчина возбужденно махнул рукой и принялся что-то обсуждать со своими
спутниками. Потом они попрыгали в машину и поехали дальше. Через секунду желтая глян-
цевая капля растворилась в зелени придорожных кустов.

– Догоним? – азартно спросил Крячко.

– Не догоним, – сказал Гуров. – Сам же говорил – гоночная модель. И потом, это могут
быть ребята из спецслужб – они наверняка мечтают поймать в округе террориста. Однако все
это мне не слишком нравится. Здесь становится слишком людно. Если и есть какой-то след,
его вполне могут затоптать раньше, чем мы до него доберемся.

Глава 3

Реакция Владимира Дмитриевича Бардина, председателя правления столичного банка «Евразия», принявшего Гурова у себя в кабинете ровно через неделю после трагических событий, выглядела, мягко говоря, странновато. Гуров давно привык к тому, что ведомство, в котором он состоял всю жизнь и которому был предан до глубины души, вызывает у некоторой части населения откровенное недоверие. Особенно это касалось, как ни странно, людей состоятельных, которым было что терять. Гуров не обижался, полагая, что каждый вправе иметь собственное мнение и опровергнуть его можно только путем убеждения.

И тем не менее Бардин даже для недоверчивого смотрелся необычно грубо. Все-таки у него пропала дочь, погибли его люди, и, казалось, кому, как не ему, быть заинтересованным в успехе милиции. Однако банкир подчеркнуто демонстрировал свое пренебрежение.

– Полковник, не полковник! – с раздражением отозвался он, когда Гуров только представился ему. – Какая разница – полковник или сержант? По моему мнению, от любого из вас толку не больше, чем от козла молока! Можете обижаться, можете делать что хотите, мне все равно!..

– Обижаться я не буду, Владимир Дмитриевич, – успокоил его Гуров. – Не девушка. Но и вам бы не стоило вести себя на манер истеричной дамочки. Все-таки солидный человек, глава банка, знаете жизнь и людей – и вдруг такие несерьезные речи!.. Я понимаю, что ваше психологическое состояние сейчас далеко от идеального, однако попытайтесь все-таки найти силы для конструктивного сотрудничества. Поверьте, лучшего выбора у вас все равно нет. Возможно, вам больше по вкусу оперативность Скотланд-Ярда, но живем-то мы с вами в России. Так что придется надеяться на наших полковников и сержантов, и ничего тут не поделаешь!

Бардин пробормотал, что лучше будет надеяться на бабу, которая зубы заговаривает, но все же стал вести себя менее агрессивно. Однако посвящать Гурова в подробности несчастливого прогулочного рейса наотрез отказался.

– Все уже излагал, – сказал он. – И вашим следователям, и прочим. Все запротоколировано. Нового у меня ничего не прибавилось. Берите материалы и действуйте! Пока вы тут разговоры разговариваете, эта банда еще сто человек прикончит.

– Не уверен, Владимир Дмитриевич, – покачал головой Гуров. – Почему-то я больше склоняюсь к мысли, что эта банда в первую очередь – против вас.

– С чего вы взяли? – Бардин подозрительно посмотрел на Гурова.

– А почему бы и нет? – пожал плечами Гуров. – У вас ведь есть враги?

– Они у всех есть, – отрезал Бардин. – А у меня их столько, что я решил выбросить их из головы раз и навсегда. Не привык жить с оглядкой.

Гуров оценивающе посмотрел на банкира. Осанистый, с мощной шеей и стальным взглядом, господин Бардин действительно производил впечатление человека, которого не могут смутить никакие враги, но без оглядки – вряд ли. Даже в критической ситуации он не желал допускать в свои дела посторонних. Возможно, для этого у Бардина имелись веские причины, но какие причины могут быть важнее родной дочери? Впрочем, он действительно мог искренне не верить в силы и возможности милиции. Возможно, Бардин возлагал надежды на спецслужбы, но Гуров не верил, что спецслужбы будут так уж усердно копать – за версту было видно, что терроризмом здесь и не пахнет. Гранатомет в наше время при желании можно приобрести без особых усилий. В принципе, даже супружеские разборки могут теперь кончаться выстрелом из гранатомета. Все происходило до примитивного просто – набежали, постреляли, разбежались. Вся соль была в том, кто подсказал головорезам эту затею, кто навел, а этот вопрос, по мнению Гурова, можно было выяснить, только покопавшись в окружении господина Бардина. Но господин Бардин категорически этого не хотел.

Его первоначальные показания ничего, по сути дела, не проясняли. Гуров уже их читал, и не один раз. Все происшедшее господин Бардин расценивал как трагическую случайность, которая, по его мнению, могла произойти с каждым. Но не каждый в состоянии оплатить прогулочное судно. А напали именно на судно – преступление в наших краях далеко не самое обычное, – и Гуров случайностью это не считал.

Разговора не получалось. Обычная история: когда имеешь дело с богатыми людьми, подумал Гуров, им все кажется, что ты каким-то образом норовишь забраться к ним в карман. И давить здесь бесполезно, деньги для этих людей – святое. Да и как давить, когда перед тобой отец, у которого в нелепой разборке без вести пропала дочь?

– Я слышал, вы наняли водолазов? – спросил Гуров. – Когда официальные работы были закончены.

– Ну и что? Вас это каким-то образом беспокоит? – раздраженно спросил Бардин. – Я советовался с людьми – мне сказали, что иногда течение относит тело довольно далеко...

– Однако тела всех, кто погиб, остались на судне, – напомнил Гуров. – Водолазы никого на дне не обнаружили. Неужели вы смирились с мыслью, что с вашей дочерью случилось худшее?

– Ничего не известно, – хмуро возразил Бардин, не глядя на Гурова. – Между прочим, никто точно не знает, сколько человек было на судне. Это и следователи отметили. Здесь никто не виноват. Поездка была частная, контингент самый безответственный. Негодяи, которые только привыкли тратить деньги... Впрочем, это неважно.

– Сейчас все важно, Владимир Дмитриевич, – возразил Гуров. – Вы с таким пренебрежением отзываетесь о друзьях своей дочери, но тем не менее устроили эту прогулку по ее просьбе.

– Естественно! – с негодованием ответил Бардин, глядя на Гурова холодными глазами. – А вы как бы поступили на моем месте?

– Ну, у меня нет ни пароходов, ни банков, – слегка улыбнулся Гуров. – И все-таки почему? Ведь я слышан, что праздновали день рождения человека, в сущности, постороннего...

– Для моей дочери этот мерзавец не посторонний, – резко ответил Бардин. – Во всяком случае, она сумела себя в этом убедить на время. К сожалению, осознать ошибку ей уже, кажется, не удастся.

– Вы о поведении этого человека на теплоходе? – спросил Гуров. – У меня есть предположения, что он попросту струсил и бросил вашу дочь на произвол судьбы...

– Вы что, там были? На теплоходе? – неприязненно поинтересовался Бардин, сверля Гурова злым взглядом. – Ах да, вы же сыщик! Дедуктивный метод?

– Мне ваша ирония непонятна, – спокойно заметил Гуров. – Прошу заметить, никаких заключений я не выносил. А предположения способен делать любой человек, даже и не владеющий дедуктивным методом. Вот сейчас я рискну предположить, что о поведении на теплоходе друга вашей дочери Олега Вельяминова вам известно гораздо больше, чем мне, но по какой-то причине вы это скрываете...

– Да ничего я не скрываю! – в сердцах бросил Бардин. – И ничего мне на самом деле не известно. Я с удовольствием бы задал этому разгильдяю пару вопросов, но... Впрочем, черт с ним! – Массивная фигура банкира порывисто распрямилась и нависла над столом. – Если вы не возражаете, давайте прекратим этот бессмысленный разговор. У меня много дел. Кроме личной жизни, у меня есть еще много обязанностей, извините... А все, что я мог сказать, я уже сказал – загляните в протоколы.

– Обязательно загляну, – пообещал Гуров.

Он ушел от Бардина и, отыскав на стоянке свою машину, первым делом связался с Крячко – тот с утра занимался катерами.

– Лева, ты не поверишь, – сразу огорошил его Стас. – Катерок-то нашелся! И знаешь, кто его нашел? Те самые водолазы, которых нанял Бардин. Они смотрели дно в километре ниже

по течению и нашли затопленный катер. А Бардин тебе про это ничего не сказал?... Ну, ладно. Следственная группа туда уже поехала.

– Километром ниже? – переспросил Гуров. – Далековато. Утопленников не обнаружено? Тогда, думаю, мы с тобой туда не поедем. Без нас разберутся. А мы давай-ка с парнем встретимся, из-за которого вся эта катавасия разгорелась. Он ведь на Шипиловской улице квартиру снимает, вот и сгоняем туда. Бардин ничего мне толком не сказал, но в отношении Вельяминова отзывался, на мой взгляд, как-то странновато.

– Банкиры все такие, – заметил Крячко. – Значит, давай в главке встретимся, а оттуда уже и поедем. Только, может быть, лучше вызвать его к нам повесткой?

– На допрос мы его уже вызывали, – сказал Гуров. – Лишнего слова не выжали. Может быть, в неофициальной обстановке раскроется.

– Все может быть, – сказал Крячко. – Если есть что раскрывать.

– Кто-то из пассажиров этого чертова «Викинга» должен знать больше, чем говорит, – сердито ответил Гуров. – Почему бы не Вельяминов? Он все-таки там не последний человек был.

Но с тем адресом, по которому проживал Вельяминов, вышла осечка. Квартира была заперта, а соседи объяснили, что самоуверенный молодой человек, который ее снимает, может не появляться дома по нескольку дней. И вообще для него не существует ни дня, ни ночи, ни правил приличий – может запросто заявиться за полночь с друзьями и устроить гулянку. И еще машину свою под окнами ставит, так что не пройти, не проехать. Говорили ему об этом – никакой реакции. Кто-то из соседей сгоряча пообещал ему стекла побить, но потом сам спохватился. Машина дорогая, иностранная, не дай бог, попортишь, потом век не рассчитаешься. У нас ведь правды не найдешь.

– Какого цвета машина? – спросил по наитию Гуров и почти не удивился, услышав, что машина у Вельяминова желтая, как лимон.

– Чует кошка, чье мясо съела? – высказал догадку Крячко, когда ехали обратно в главк.

– Жизнь покажет, – отозвался Гуров. – Желтый цвет пока законом не запрещен. А чтобы делать какие-то выводы, желательнее для начала взглянуть на машину Вельяминова своими глазами.

– Да, хотелось бы, – согласился Крячко. – Так, может, сгоняем в Тушино? Там новый автодром открыли. Я слышал, Вельяминов последнее время там выступал. Что касается его карьеры в кино, то тут я пас. Не по моей части.

– Ты вроде и гонки до сих пор не жаловал? – напомнил Гуров. – Глупым занятием называл...

– Глупо, но увлекательно, – подтвердил Крячко. – С кино не сравнить.

– Мне своих гонок хватает, – сказал Гуров. – Но на автодром посмотреть можно, тем более что есть вероятность застать там господина Вельяминова – ведь ты на это намекаешь?

– Я на это надеюсь, – поправил Крячко. – Где-то ведь он должен находиться?

На автодроме надсадно ревели моторы. Четыре потрепанные «Лады», разукрашенные рекламными наклейками, как дикари татуировками, нарезали круги по перепаханному треку. С десятков мужчин, расположившихся на трибуне, молча и сосредоточенно наблюдали за ними. Еще двое, сунув руки в карманы, стояли у самой трассы и, озабоченно глядя на мелькающие колеса, время от времени обменивались между собой замечаниями. Гуров с первого взгляда признал в одном из них главного и сразу направился к нему.

– Ищем сведущего человека, – объяснил Гуров, показывая удостоверение. – Поговорить нужно.

Тот, к кому он обращался, краем глаза пробежался по удостоверению и по лицу Гурова и, не выказав никакой реакции, опять уставился на проносящиеся мимо автомобили. Он был

высок, жилист и усат. Гуров почему-то решил, что больше всего этот человек напоминает опытного укротителя диких зверей. Оказалось, что он почти не ошибся.

– Головин Аркадий Петрович, – немного погодя сказал усатый. – Тренер по автоспорту. Вас именно этот аспект интересует?

Его спутник, пониже ростом и лысоватый, посмотрел на Головина с уважением.

– Боюсь, автоспорт нас с товарищем не очень волнует, – ответил Гуров. – А вот спортсмена одного нам очень хотелось бы повидать. Говорят, он здесь бывает. Олег Вельяминов – не знаете такого?

Головин выдержал длинную паузу – он знал себе цену – и с достоинством сказал:

– Вельяминова мы знаем. В команде моей он до сих пор числится.

– Что значит – до сих пор? – поинтересовался Гуров.

– А то и значит, – зло усмехнулся Головин. – Вы же по его душу пришли? Вот вам и ответ. Я так и знал, с ним что-то обязательно случится.

– А что с ним случилось? – удивился Гуров. – Нам с Вельяминовым просто поговорить нужно. Или вы думаете, раз мы пришли, значит, кого-то обязательно в наручниках уведем?

– Про наручники не знаю, но просто так вы не придете, – убежденно заявил Головин. – А этот Вельяминов просто напрашивался на неприятности. С самого начала. Я его сразу понял. Не спортсмен он, так, ухарь... Черные очки, ухмылочка, походка вразвалку. Ни одной юбки не пропустит. А тут его еще в кино приглашать стали, так он вообще нос задрал. Звезда, понимаешь!.. А я один фильм посмотрел – так, полное дерьмо! Думаю, и другие не лучше.

– Знаете, мы не с вами первым о Вельяминове говорим, – заметил Гуров. – И вот что странно – все в один голос заявляют нам, что неважный он человек. Так я вот чего не пойму – если он и человек плохой, и спортсмен неважный, зачем его в команде держать?

Головин отвернулся, пожевал губами, скривился и сказал неохотно:

– Сейчас спорт в загоне. Деньги же нужны – а где они? А наш спорт особенно – что тут без денег делать? Выручает кто? Рекламодатели и меценаты. Есть такие денежные люди, которые фанатеют от гонок. Ну и в машинах разбираются. Но это редко. Обычно им главное, чтобы позабористее было. Вот теперь гонки на выживание придумали... Одним словом, хочешь не хочешь, а слушаешь, что тебе такой спонсор говорит. Не будешь слушать – завтра же можешь гулять на все четыре стороны. Вот вам и ответ, почему Вельяминов у меня до сих пор в команде. Потому что нравится он спонсорам – морда смазливая, модный и все такое...

– А где он сейчас?

– А хрен его знает! – сердито бросил Головин. – Сегодня-то я других ребят тренирую... Но вообще Вельяминов здесь уже три или четыре дня не появлялся. Да, считай, с самого своего дня рождения. Ну, видать, и загудел. За ним это водится. Правда, тут больше, по-моему, придури, чем дела. Выпьет на копейку, а шуму на рубль. У Вельяминова все на публику.

– Что же он, не мужик, что ли? – вставил слово Крячко. – Почему бы ему и на самом деле не загулять?

– Потому что на самом деле Вельяминов не пьет, – сказал Головин. – Ну, то есть бокал сухого вина там, шампанского – это он может. А так, чтобы до сшиба, такого за ним никогда не водилось. У него, понимаете, какие-то проблемы с печенью, с детства, хоть и здоровый с виду мужик. Чем-то он там непонятным переболел. И спиртное, можно сказать, не переносит. Ну а поскольку в его представлении настоящий мужик должен, не моргнув глазом, литр засаживать, так он и играет на публику.

– Это точно? – недоверчиво спросил Гуров. – Вы не ошибаетесь насчет спиртного?

Головин уничтожающе посмотрел на него и изрек:

– Когда Головин что-нибудь говорит, значит, знает! И уточнять тут нечего.

– Ну, хорошо, а как же тогда с его характеристикой быть? – не отставал Крячко. – Образцовый, можно сказать, экземпляр, непьющий...

– А разгильдяй! – закончил за него Головин. – Бывают мужики пьющие, а как до дела дойдет – так он зубы стиснет, волю соберет – и дает результат. А разгильдяй, он и трезвый – разгильдяй. Я понятно выражаюсь?

– Абсолютно, – сказал Гуров. – Однако же у разгильдяев, как правило, склонности... Может, он наркотиками балуется?

Головин хмуро посмотрел на него.

– Этого еще не хватало, – проворчал он. – Вот про что не знаю, про то не знаю... не замечал. А что, есть сигналы?

– Да какие сигналы! – отмахнулся Гуров. – Просто предположил. Ну, раз нет, значит, нет. Уже хорошо. А где же нам теперь найти вашего спортсмена? Дома его нет, здесь тоже...

– А у бабы какой-нибудь ищите, – сказал Головин. – Только адресов не спрашивайте – они мне неизвестны.

– Это понятно, – кивнул Гуров. – Нам бы лучше адресок какого-нибудь мужчины. Должны же быть у Вельяминова друзья?

– Не наблюдал, – категорически сказал Головин. – Приятели – это возможно. Но здесь он ни с кем дружбу не водил. Больше скажу – с ребятами у него отношения натянутые. Он себя считает на голову выше любого, а кому такое понравится?

– Такое никому, – подтвердил Гуров. – А он и в самом деле хороший водитель?

– А плохие к нам не попадают, – неохотно сказал Головин. – Водитель он хороший, но не чемпион. Закваска не та. В последний момент он всегда отступит.

– Это как же понимать? – удивился Гуров.

– Если увидит, что может ноги переломать, то обязательно отступит, – пояснил Головин. – Я же говорю, не боец... Артист! – немного подумав, закончил он.

– Так, значит... – задумчиво произнес Гуров и тут же спросил: – Ну а своя машина у Вельяминова имеется?

Головин кивнул:

– Ну как же, есть машина. Роскошная тачка – на самом деле. «Лянчо» последней модели. Он ее на свои гонорары купил. Насколько я знаю, тут у него все чисто. А что, имеются какие-то сомнения?

Впервые за время разговора Головин проявил интерес к обсуждаемой теме – к машинам он явно был неравнодушен.

– Нет, – ответил Гуров. – Нас интересует совсем другое.

– Ну, понятно, – усмехнулся Головин. – Милиция вопросы задает, а мы отвечаем.

– Ладно, если уж отвечаете, так хоть номерной знак тачки подскажите, – попросил Крячко. – Мы, конечно, и сами можем выяснить, да неохота время терять.

– Номер, само собой, приметный, – презрительно сказал Головин. – Три семерки, как и положено такому крутому.

– Это хорошо, что приметный, – заметил Гуров. – Может, быстрее найдется. А я вам на всякий случай телефончик наш оставлю – если Вельяминов появится, пусть сразу с нами свяжется, ладно?

– А вы попробуйте на «Мосфильм» съездить, – предложил Головин. – Вельяминов сейчас в новом фильме снимается. Наверное, там его проще найти.

– Мы так и сделаем, – сказал Гуров. – Однако визитку все же возьмите.

Когда они с Крячко уходили, гоночные машины с тем же надсадным ревом продолжали утюжить трек. Головин даже не оглянулся вслед оперативникам.

– Интересная получается картина, – заметил Гуров, когда они вышли со стадиона. – Господин Вельяминов, проспавший в пьяном бреду весь свой день рождения, вдруг оказывается трезвенником! Как это понимать?

– Может, как в пословице? – энергично предположил Крячко. – Год не пей, два не пей, а после банки займи, но выпей? Может, человек новую жизнь решил начать?

– Или опьянение у него было не обычное... – протянул Гуров. – Вариантов много, но я начинаю склоняться к мысли, что врал нам господин артист. А с чего бы ему врать, как ты думаешь?

– Тут тоже много вариантов, – ответил Крячко. – Он мог застесняться, что подругу свою не уберег, мог опасаться претензий со стороны ее папаши...

– А чья машина каталась возле Демина? – перебил его Гуров. – Ты номера ее случайно не заметил?

– Смеешься? – спросил Крячко. – Она промелькнула мимо нас, как сон. Но таких тачек, как у Вельяминова, раз, два и обчелся. А если еще учесть, что интересы наши и пассажиров в «Лянчо» как-то совпали, то совсем получается интересно.

– Ладно, поехали на «Мосфильм», – вздохнул Гуров.

Глава 4

Съемочную группу, которая снимала фильм с участием Олега Вельяминова, удалось отыскать далеко не сразу. Гурову даже показалось, что на проходной «Мосфильма» при их появлении произошла легкая паника, которую служители муз постарались замаскировать напускной строгостью и чрезмерной придирчивостью. Гурова и Крячко долго не хотели пропускать на территорию концертна, ссылаясь на особенности кинопроизводства и отсутствие предварительной договоренности. Было не совсем понятно, с кем Гуров должен был договариваться и при чем тут особенности кинопроизводства, но, когда он, рассердившись, пригрозил явиться в следующий раз с группой захвата и постановлением Генеральной прокуратуры, все вопросы чудесным образом отпали – им с Крячко безропотно выписали пропуска и вежливо объяснили, как найти нужный павильон.

– Наверняка у них тут какие-то серьезные прорехи в бюджете, – рассуждал вслух Крячко, когда они отправились бродить по бесконечным коридорам «Мосфильма». – Или они бессовестно расхищают среди бела дня реквизит. Ничем другим такого поведения не объяснить. Они боятся посторонних глаз.

Однако подтверждения его слов они нигде не обнаружили. За проходной на оперативников уже никто не обращал внимания, и даже когда попадавшие им навстречу люди тащили куда-то реквизит, то делали это без тени смущения, что мало вязалось с процессом расхищения.

В том же павильоне, где Гуров рассчитывал отыскать Вельяминова, вообще царил странная апатия, а реквизит вообще не вызывал ни у кого ни малейшего интереса, хотя именно здесь он выглядел особенно заманчиво.

В этом павильоне были воссозданы декорации, довольно правдиво изображавшие интерьер дорогого ночного бара – с напитками, с оркестром и цветами на столиках. Правда, и напитки, и цветы были бутафорскими, и это не могло, конечно, не отразиться на настроении собравшихся здесь людей.

Их было человек восемь – но зато отрицательной энергии в каждом накопилось за пятерых. И они все переругивались между собой самым невероятным образом, так что у неподготовленного человека через минуту начинала кружиться голова. Помалкивал только один человек, стоявший за кинокамерой с большим раструбом на объективе, который напомнил Крячко вытяжку над кухонной плитой. Оператор хладнокровно занимался своим делом – жевал пирожки, которые один за другим извлекал из пакета, лежавшего у него под рукой, и спокойными глазами наблюдал за бегущими по павильону коллегами.

Там были две женщины – одна усталая и отрешенная, в вечернем платье и фальшивом колье на белой груди, а другая – маленькая и злая, в джинсах и вытянутой до колен кофте, похожая на подростка. Именно она на пару с молодым взвинченным человеком в черных очках вносила основную сумятицу в атмосферу, которую Гуров не рискнул бы назвать рабочей.

– Ты, стерва, должна была обеспечить электрика – скажешь, нет? – вытягивая длинную небритую шею, орал молодой человек в черных очках, наступая на ошетинившуюся девицу.

Девица, точно щит, прижимала к плоской груди кожаную папку с застежками и огрызалась:

– Тебе-то какое дело, урод? Чего ты дергаешься? Тоже мне проблема – электрик! Тут этих электриков как собак нерезаных.

– Где?! Покажи мне хоть одного! – вопил «урод», демонстративно заглядывая под столы и даже под скатерть. – Покажи мне хоть одного, и я буду счастлив!

– Я посмотрю на твое счастливое лицо, когда вернется Валерьяныч! – не сдавалась девчонка. – Думаешь, он про электрика спросит? Он спросит, где герой, Миша? А где у тебя герой? А тебе было сказано – кровь из носу, но чтобы герой был на месте!

– Я нашел замену! – уже буквально заревел молодой человек. – Я сделал все, что мог, понимаешь? Вот он, герой – Павел Бродовских! Его трудно не заметить, – трагическим жестом он ткнул пальцем в сторону атлетически сложенного мужчины в темном костюме, который с брезгливым выражением лица стоял у стойки бара. – Это более чем! Но тебя это совершенно не касается...

– Я с Бродовских играть не буду! – вдруг с истерической ноткой в голосе произнесла женщина с фальшивым колье. – Вы мне еще предложите на детских утренниках выступать! Пусть Валерьяныч решает...

– А тебе только на утренниках и играть, – буркнул оскорбленный атлет. – Тоже мне Джулия Робертс! У меня, между прочим, поинтереснее предложения есть. Я только из уважения к Мише согласился...

– Ну, если ты Мишу уважаешь, о чем еще говорить? – высокомерно заявила женщина в колье.

Поднялся страшный крик. Вмешались остальные. Замелькали отчаянно жестикулирующие руки. До драки дело все-таки не дошло.

Гуров и Крячко осторожно приблизились к оператору, который доедал очередной пирожок, и поздоровались. Киношник окинул их задумчивым взглядом и благожелательно кивнул.

– У вас всегда такой бедлам? – поинтересовался Гуров. – Я не в порядке критики, а просто хотелось поговорить с самым главным. Мы с товарищем из милиции, и у нас важное дело...

– Это еще не бедлам, – хладнокровно ответил оператор. – Бедлам будет, когда вернется Валерьяныч. Я бы на вашем месте обязательно задержался – оно того стоит.

– А кто это – Валерьяныч? – спросил Крячко.

Оператор посмотрел на него с легким недоумением, но объяснил вполне корректно, что Валерьяныч – не кто иной, как главный режиссер фильма Петр Валерьянович Боголепский, человек в кино хотя не первый, но отнюдь и не последний, а потому временами горячий и необузданный, особенно с теми, кто от него в данный момент зависит.

– По правде сказать, Валерьяныча даже и обвинять трудно, – объяснил оператор. – Вы не представляете, какой сейчас бардак на съемочных площадках. Без железной руки нельзя. Вот вам простой пример – стоило режиссеру на короткое время потерять контроль, и тут же все распалось. Главный герой исчез как дым, главная героиня прибавила в весе десять кило, помощница не может найти приличного электрика, а ассистент режиссера додумался заменить Вельяминова на Бродовских, хотя тот даже не блондин, а совсем наоборот... В общем, если не будете ждать, то много потеряете...

– А куда ваш Валерьяныч отлучился? – спросил Гуров.

Оператор посмотрел на него так, словно впервые увидел.

– А он ведь, между прочим, к вам в милицию поехал, – сказал он. – А вы разве не знаете? У Валерьяныча на днях со стоянки катер угнали, а теперь нашли, вот он за ним и поехал. Вернее, за тем, что от него осталось, потому что, говорят, катер затоплен. В общем, теперь его и заводить не надо – он уже завелся...

– Постойте, у Боголепского угнали катер? А он заявлял об угоне?

– Да ничего он не заявлял, – меланхолично сказал оператор. – Он вообще про это не знал до сегодняшнего дня. Ему позвонили из речной милиции – к югу от Москвы нашли в реке катер, по некоторым данным, принадлежащий именно Валерьянычу. Не знаю, может, номера какие на нем особые имеются... Одним словом, он вскинулся и полетел опознавать.

– Ничего себе! – сказал Крячко и посмотрел на Гурова. – Что называется, в самое яблочко!

Гуров тоже был несколько озадачен. Направляясь сюда, он рассчитывал в худшем случае разузнать о нынешнем местопребывании Олега Вельяминова, а в лучшем – провести с ним душевную беседу, но о таком неожиданном совпадении даже не помышлял. Теперь ему казалось, что они находятся на расстоянии вытянутой руки от какой-то крайне важной улики. Только бы сгоряча не упустить эту улику.

– Давно идет работа над вашим фильмом? – спросил он у оператора.

– Только начали, – благодушно сказал тот. – Отсюда и весь бардак. У нас ведь метод работы, как и везде, авральный. Вот клюнет петух в одно место...

– А съемочную группу по какой системе набирали? – спросил дальше Гуров. – То есть прежде всего меня интересует выбор актера на роль главного героя...

– А какой выбор? – пожал плечами оператор. – Под Вельяминова картинка запускалась. В смысле, это же сиквел, продолжение. В предыдущей ленте он снимался, значит, и тут сам бог велел... Только, похоже, у Олега звездная болезнь началась. Теперь жди приключений!

– Ага, значит, режиссер с Вельяминовым давно знаком? – обрадовался Гуров. – Уже горячо. Какие у них отношения?

– Обычные, – опять пожал плечами оператор. – Я начальник, ты дурак. Валерьяныч, по правде говоря, на первой картине ему воли не давал, осаживал постоянно. Ну, трения были, естественно. Но у нас ведь как? Сегодня враги смертельные, а завтра – друзья не разлей вода. Так что обычные отношения были, я считаю, рабочие.

– А бывало так, чтобы они где-то отдыхали вместе, выпивали?

– Почему нет? Валерьяныч – мужик компанейский, если не в творческом процессе. К тому же кино раскручивать надо. Тут без презентаций всяких, тусовок не обойтись. А когда работа завершена, и вся группа гудит. Но только к этим двоим это меньше всего относится – выпивка, я имею в виду. Валерьяныч насчет этого дела умеренный, да и Вельяминов не злоупотребляет. Для этого у нас другие кадры есть, – загадочно ухмыльнулся оператор.

– Кстати, о кадрах, – небрежно спросил Гуров. – Прочие тоже в предыдущем фильме участвовали? Как-то не наблюдается у вас тут взаимопонимания.

При этих словах он покосился через плечо на ссорящихся киношников. Правда, страсти уже слегка поутихли. Ассистент Миша, схватившись за голову, мрачно присел возле одного из бутафорских столиков и с ненавистью смотрел через черные очки на бутафорскую бутылку коньяка. Наверное, он мечтал сейчас об одном – чтобы она превратилась в настоящую. Девушка в длинной кофте плакала, забившись в темный угол. Кто-то ее утешал. Атлет в костюме нервно посмотрел на часы и громко заявил, что больше не может здесь находиться, но никуда не ушел. Актриса с колье победоносно закурила сигарету.

– Девушку вон довели, – укоризненно сказал Гуров. – Нехорошо. Все-таки помягче бы надо.

– Помягче нельзя, – авторитетно заявил оператор. – Кино на зубах держится. На железной хватке. Хотя, по правде говоря, Ленка сейчас не по своей дурусти страдает. Это Вельяминов ей подсуропил – попросил в группу своего знакомого принять, электриком. А этот знакомый сволочь еще та оказался. Он тут моему помощнику раз в зубы двинул – тот до сих пор к стоматологу ходит. А потом самого Валерьяныча послал. Так у них тоже чуть до драки дело не дошло. Вельяминов еле разнял. Но я сразу понял, что этот крендель здесь не приживется. Негибкий он, а у нас, кроме хватки, гибкость нужна... Одним словом, Валерьяныч оставил его до первого нарушения, а он сам на работу не вышел. А Ленка тут как всегда ушами прохлопала. Теперь вот электрик понадобился, а его днем с огнем не найдешь – это уж закон подлости.

– Значит, электрик – знакомый Вельяминова? – переспросил Гуров. – Интересно. И как его имя, не подскажете?

– Проще простого. Они с Валерьянычем тезки. Поэтому мы их так и прозвали – Петр первый и Петр второй.

– А фамилия?

– Фамилия – это вы к Ленке, – посоветовал оператор. – Фамилию и прочие реквизиты она должна знать.

Гуров и Крячко с некоторым смущением подступились к расстроенной Ленке и как смогли постарались ее успокоить. До прочих участников группы дошло, что в их владениях появились посторонние, и этот факт заставил их словно бы пригаснуть. Атлет Бродовских наконец решился покинуть фальшивый бар и умчался туда, где его ждали другие проекты. Разбрелись кто куда и остальные. Павильон быстро опустел. Только несгибаемый оператор ни на шаг не отходил от своей машины.

Помощница режиссера долго не могла понять, чего от нее хотят. Всякое упоминание об электрике вызывало у нее что-то вроде судорог. Кое-как удалось Гурову убедить девушку, что никаких претензий к ней у них не имеется, а имеется простое любопытство, как зовут того негодяя, который принес ей столько невзгод.

– Фамилия этого идиота – Сергеев, – наконец сказала она и, что-то сообразив, тут же спросила: – А если вы из милиции, то, может быть, вы его арестовать хотите? Его, по-моему, надо арестовать!

– Ну почему же непременно арестовать? – добродушно возразил Крячко. – Сначала поговорить с человеком надо... И кстати, как же мы можем его арестовать, когда мы адреса не знаем?

– А я вам дам его адрес, – мстительно заявила Ленка.

Гуров и Крячко не могли поверить в такую удачу, и уже через десять минут они мчались в своей машине в направлении метро «Проспект Вернадского» – именно там проживал Петр Сергеев, электрик и, возможно, бывший дисбатовец, шебутной уроженец села Демина.

– Ты подумай, какая удача! – восторгался по пути Крячко. – Сколько в Москве Сергеевых? Несколько тысяч, по крайней мере! А если он не зарегистрирован? Можно всю жизнь искать. А тут как на блюдечке! И экспертизы пальчиков на бутылке можно не ждать – сам расскажет, с кем выпивал на родине...

– Ты не гони лошадей, – недовольно посоветовал Гуров. – Во-первых, еще никто не сказал, что это тот самый Петька Сергеев. Вероятность велика, не спорю – уж больно в занятый узел все сплелось! Но опять же, где он сейчас, этот Петька Сергеев? На работу он не явился, как, кстати, и его знакомец Вельяминов. Какая причина? Не катер ли, найденный на дне Москвы-реки?

– Я вот чего не пойму, Лева, – морща лоб, сказал Крячко. – У Вельяминова желтая «Лянчо». Допустим, он знает Сергеева, и все это как-то связано с прогулкой на теплоходе и с Демином. Но зачем он его как будто выслеживал там через неделю? Они что, друг от друга прячутся?

– Ты у меня спрашиваешь? – покачал головой Гуров. – Это не моя грядка. Вот найдем Сергеева – у него и спрашивай.

Они доехали до проспекта Вернадского и свернули к длинной девятиэтажке, стоявшей первой в ряду себе подобных. Вокруг зеленели газоны и играли дети. На углу дома милицкий патруль проверял документы у коренастого смуглого человека с усами. Вид у него был самый несчастный.

– Я поднимусь, – сказал Гуров, выходя из машины. – А ты тут присмотришь на всякий случай. Не знаю, снимает Сергеев здесь квартиру или прописан, но у меня такое чувство, что дома мы его не застанем. Может быть, что-то прояснят соседи...

Нужный подъезд был, к счастью, открыт по случаю теплой погоды, и Гурову не пришлось дожидаться, пока кто-нибудь из жильцов захочет отпереть кодовый замок на двери. Проигно-

рировав лифт, он поднялся на третий этаж и нашел квартиру, где, по сведениям несчастной Ленки, должен был обитать Сергеев. Гуров не торопился нажимать на кнопку звонка – на душе у него вдруг появилось странное чувство, будто за ним кто-то пристально наблюдает.

На площадке никого не было. Тихо было и на верхних этажах. Однако чувство не отпускало Гурова. Он осмотрелся по сторонам – в принципе, за ним вполне могли подглядывать в «глазок» соседи. Для того и делается дверной «глазок» – чтобы своевременно выявить чужака у порога. Милиция сама всегда призывает к бдительности.

Гуров усмехнулся и поднял руку, чтобы позвонить. Но в этот момент заскрежетал замок, дверь перед Гуровым распахнулась, и прямо на него выскочил человек.

Это был высокий сутулый парень с диковатым взглядом и длинными, едва ли не до колен руками. С первого взгляда было ясно, что он обладает огромной физической силой и необузданным характером. От него невольно хотелось держаться подальше, но как раз этого-то Гуров и не мог себе позволить. Он приветливо улыбнулся, но совершенно недвусмысленно заступил парню дорогу.

– Милиция, – сказал он. – Ваша фамилия Сергеев?

Гурову нечасто доводилось видеть, чтобы такая простая фраза производила на человека такое сокрушительное действие. Парень мгновенно оскалился, подпрыгнул и всем весом своего тела обрушился сверху на Гурова – а вес у него был совсем не маленький. Гуров и сам был далеко не хрупкого телосложения, но тут он отлетел к противоположной стене, а парень зарычал, как укушенный пес, и, пригнувшись, выскочил на лестничную площадку. Гуров услышал, как его каблуки загрохотали по каменным ступеням.

– Стой! – закричал Гуров и бросился вслед за убегающим парнем.

Оружия доставать он не стал – во-первых, не хотел терять ни секунды, а во-вторых, в таком людном районе в разгар дня пускать в ход оружие было немыслимо – значит, не стоило им и размахивать.

Бегал парень не очень ловко, и из подъезда они с Гуровым выскочили почти одновременно. Гуров опять крикнул: «Стой!», на что парень обратил внимания не больше, чем на щебет воробьев под окнами. Он во всю прыть понесся к станции метро.

Гуров не стал рвать жилы – он уже видел, как Крячко выбрался из автомобиля и размеренно бежит наперерез парню. Через несколько секунд беглец должен был оказаться в ловушке. Нелишним бы сейчас оказался и милицейский патруль, но того уже и след простыл. Гуров не слишком расстроился по этому поводу – они и вдвоем должны справиться с этим типом без особых усилий.

Но тут произошло то, чего он не в состоянии был предвидеть. Откуда-то с проезжей части вдруг выскочила ярко-желтая приземистая машина с черными стеклами и, едва не сбив зазевавшегося пешехода, с душераздирающим визгом затормозила перед самым носом бегущего парня. По инерции он даже не успел уклониться от столкновения, ударился о капот и шлепнулся на асфальт. Звук был такой, будто уронили мешок с арбузами.

Но прежде чем Гуров и Крячко успели добежать до места происшествия, из желтой машины выскочили двое здоровенных, коротко стриженных молодцов в костюмах, которые едва не лопались на их накачанных фигурах, и, не обращая внимания на окружающих, накинулись на упавшего парня.

Один из молодцов был вооружен милицейской дубинкой, которую немедленно пустил в ход. Оглушенный столкновением беглец еще не успел толком прийти в себя, как на его голову обрушился чудовищный удар, нанесенный опытной и сильной рукой. Парень снова ткнулся носом в землю. Его немедленно подхватили и швырнули на заднее сиденье «Лянчо».

Теперь уже и Гуров, и Крячко на два голоса завопили: «Стой!», но нападавшие быстро попрыгали в машину и захлопнули дверцы. Взревел мотор, и «Лянчо» сорвалась с места под самым носом у Гурова. На какое-то мгновение перед его взором мелькнули три черные семерки

на белом фоне номерного знака. Не разбирая дороги, автомобиль проехал по пешеходным дорожкам и клумбам, вылетел на мостовую и помчался в южном направлении.

Крячко уже бежал обратно к гуровскому «Пежо». Гуров выругался и бросился за ним следом, пытаясь на ходу набрать номер на мобильном телефоне.

Садился он уже в движущуюся машину. Едва он опустил на сиденье, Крячко стартовал, и дверца захлопнулась сама собой. Сделав непроницаемое лицо, Крячко погнал машину тем же неверным путем, каким двигалась «Лянчо», видимо рассудив, что клумбам хуже уже не будет, а время дорого. Они выскочили на проезжую часть и пустились в погоню. Гуров наконец сумел набрать номер и торопливо выкрикнул в трубку:

– Дежурный? Полковник Гуров из главка... Немедленно передать всем постам – задержать желтую «Лянчо», номерной знак – три семерки... Двигается по проспекту Вернадского в направлении улицы Лобачевского... Внимание! Пассажиры могут быть вооружены.

Глава 5

Кажется, те парни, что сидели в желтой гоночной машине, решили покататься вовсю. Они с ходу проскочили поворот и помчались дальше, опасно лавируя в уличном потоке. Крячко, сидевший за рулем «Пежо», непрерывно жал на клаксон и упорно прибавлял газу, словно желая доказать, что право на сумасшествие имеют не только водители желтых гоночных моделей.

От них шарахались, кричали, но Крячко ничего этого не замечал – со свистом и ревом он мчался за «Лянчо». Несмотря на его усердие, расстояние между машинами неуклонно увеличивалось. ГАИ еще не было.

Желтая машина промчалась, не сворачивая, до самого Ленинского проспекта и понеслась дальше к выезду из города. Похитители длиннорукого парня, который, скорее всего, был все-таки Петькой Сергеевым, решили сыграть ва-банк. Используя скоростные качества своего автомобиля, они, судя по всему, намеревались на шоссе уйти от преследования.

Крячко выжимал из гуровской машины все, на что она была способна, и даже то, о чем сам хозяин прежде и не догадывался. Им везло – на всем протяжении пути им не попалось никаких серьезных препятствий, светофоры Крячко проскакивал, не замечая. Наверное, у него был очень преданный ангел-хранитель с большим стажем и высоким классом. Только этой причиной Гуров мог объяснить, почему они так и не врезались ни в одну машину и не вылетели на полной скорости в кювет.

Тем не менее «Лянчо» неумолимо уходила от них. Гуров еще раз попытался связаться с дежурным по городу, но тут выяснилось, что в его телефоне сел аккумулятор. Пока он, чертыхаясь, шарил в карманах у Крячко, чтобы достать его мобильник, они доехали до развязки на Кольцевой дороге. Здесь «Лянчо» впервые попытались остановить. «Шевроле» дорожной патрульной службы, включив сирену и мигалки на крыше, включился в погоню. Водитель «Лянчо», не мудрствуя лукаво, пер напропалую, будто участвовал в гонках, где ставкой была жизнь. Такое упорство могло означать только одно – этим людям было что терять и что скрывать. Догнать их следовало во что бы то ни стало.

Однако если и в городской черте беглецы себя мало чем стесняли, то на открытом шоссе они вообще махнули на все рукой и помчались как ветер. «Шевроле», повисший было у них на хвосте, тоже начал отставать. Впрочем, гаишников это мало смутило. Такие ситуации были для них привычны, и они вызвали подкрепление.

Гуров вдруг обратил внимание, что шоссе перед ними как будто расчистилось. Зажатая с двух сторон зеленой стеной тропаревского лесопарка, серая полоса асфальта вдруг сделалась совершенно пустынной, словно дорога, ведущая в никуда. По ней под завывание сирен и грозные раскаты мегафона, призывающего нарушителей остановиться, неслись только три безумных гонщика. Гуров понял, что где-то впереди перекрыто движение и гонка, скорее всего, вот-вот должна закончиться.

В «Лянчо» это тоже поняли. Едва выскочив за пределы лесопарка, они резко повернули вправо, почти по-цирковому перескочили через обочину, пролетев метров пятнадцать по воздуху, и с треском приземлились на пустыре, на дальнем краю которого виднелись окраинные кварталы Солнцева.

– Эх их разбирает! – пробормотал сквозь зубы Крячко и впервые за время гонки сбросил скорость.

Милицейская машина впереди тоже затормозила, полыхая огнями и тревожа округу завываниями сирены. Крячко подъехал ближе. Из «Шевроле» выскочил бледноватый капитан с пшеничными усами, скользнул ошалелыми глазами по ветровому стеклу «Пежо» и тут же устоялся на пустырь, где, отчаянно подпрыгивая на кочках, юлила ярко-желтая машина,

быстро удаляясь в сторону Солнцева. Капитан поднес ко рту портативную рацию и принялся что-то лихорадочно бормотать в нее.

– Капитан! – крикнул Гуров, опуская стекло. – Вы получили приказ? Эту машину надо немедленно задержать!

Гаишник, похоже, знал, с кем имеет дело.

– Так точно, товарищ полковник! – сказал он, подступая ближе. – Все посты оповещены. В Солнцева их встретят. Вылетел вертолет.

– Где же он в таком случае? – сердито бросил Гуров и махнул рукой Крячко. – Мы едем за ними! Присоединяйтесь, капитан! И все время держите связь!

Что ответил капитан, они уже не слышали. Крячко аккуратно съехал на обочину и, наращивая скорость, погнал через пустырь. Но вдруг «Лянчо» остановилась.

– Гони! – закричал Гуров. – Не жалея покрывок! Они уходят!

– Не нервничай, Лева! – деловито отозвался Крячко. – Мне чужих покрывок не жалко. И никуда они не уйдут. Куда они уйдут? Позади Москва.

Но у беглецов, по-видимому, было другое мнение на этот счет. Покинув машину, они опрометью бросились к лесу.

Их было четверо. Трое здоровяков в костюмах и длиннорукий сутулый парень, возможно, Петька Сергеев. Они удирали слаженно и в одном направлении.

Обе машины подъехали к брошенной «Лянчо» одновременно, когда беглецы уже скрылись в лесу. Оперативники выскочили наружу. Из «Шевроле» выбирались гаишники. Двое были с автоматами. Капитан был по-прежнему бледен, но решителен. Посмотрев на зеленую стену леса, он уверенно заявил:

– Не уйдут!

– Откуда вам известно, капитан? – сердито бросил Гуров. – Уже ушли, между прочим... Оставайтесь здесь, на связи! Распорядитесь, чтобы лесопарк оцепили. Передайте приметы. А мы забираем ваших людей и идем за ними. И где же ваш треклятый вертолет?!

Гуров махнул рукой и побежал к лесу. Крячко и гаишники с автоматами послушно потрусили за ним следом. Гуров знаками показал милиционерам, чтобы они забирали пошире, и прибавил ходу. Крячко нагнал его и, весело скалясь, обронил на бегу:

– Ждать да догонять – хуже не бывает, народ тут опять прав. Лучше бы ты меня на связи оставил, Лева!

– На связи я бы и сам остался с удовольствием, – ответил Гуров. – Только мне врач пробежки рекомендовал – на свежем воздухе. А ты вместо того, чтобы трепаться, возьми левее, а то как раз у нас под руками и проскочат.

Они рассыпались по лесу и потеряли друг друга из виду. Был только слышен хруст веток под тяжелыми каблуками. Гуров попытался мысленно вычленив из этого шума тот, который бы относился к убегающим от них людям. Но понял, что это безнадежное занятие. Скорее всего, они тоже разделились – в таких случаях только пионеры бегают всем отрядом. Но их задерживал человек, которого они похитили. Вряд ли они согласятся так просто с ним расстаться. Значит, кто-то из беглецов будет за ним присматривать. Занятие не самое приятное, но, в принципе, выполнимое. До определенного момента планы этой пары могут даже совпадать – им обоим надо уносить ноги. Но при малейшей возможности предполагаемый Петька Сергеев попытается оторваться от своего опекуна, а, судя по его физическим кондициям, он может. Едва поняв, что остался со своим врагом один на один, он рискнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.